

Лев Николаевич

Толстой

Что я видел во сне

(1906 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

Начало автографа „Что я видел во сне... ”

Размер подлинника.

** ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...

I.

— Она как дочь не существует для меня; пойми, не существует, но не могу же я оставить ее на шее чужих людей. Сделаю так, чтобы она могла жить как она хочет, но знать ее я не могу. Да, да. Никогда в голову не могло прийти что-нибудь подобное... Ужасно, ужасно!

Он пожал плечами, встряхнул головой и поднял глаза кверху. Говорил это шестидесятилетний князь Михаил Иванович III. своему младшему брату, князю Петру Ивановичу, пятидесятишестилетнему губернскому предводителю в центральном губернском городе.

Разговор происходил в губернском городе, куда приехал старший петербургский брат, узнав, что бежавшая из его дома год назад тому [дочь] поселилась с ребенком в этом самом городе.

Князь Михаил Иванович был красивый, бело-седой, свежий, высокий старик с гордым и привлекательным лицом и приемами. Семья его состояла из раздражительной, часто ссорившейся с ним из-за всяких пустяков, вульгарной жены, сына не совсем удачного, мота и кутилы, но вполне «порядочного», как понимал отец, человека, и двух дочерей, из которых одна, старшая, хорошо вышла замуж и жила в Петербурге, [и] меньшая любимая дочь Лиза, та самая, которая почти год тому назад исчезла из дома и только теперь нашлась с ребенком в дальнем губернском городе.

Князь Петр Иванович хотел спросить брата: как, при каких условиях ушла Лиза, кто мог быть отцом ребенка, но не мог решиться спросить. Еще сегодня утром, когда жена Петра Ивановича стала выражать сочувствие деверю, князь Петр Иванович видел, какое страдание выразилось на лице брата и как он старательно скрыл то страдание под выражением неприступной гордости и стал расспрашивать невестку о цене ее квартиры. За завтраком, при всех семейных и гостях, он, как всегда, был ядовито и остроумно насмешлив. Со всеми, кроме детей, с которыми он был как-то почтительно ласков, он со всеми был неприступно надменен. И притом был так естественен, что все как будто признавали за ним право быть надменным.

Вечером брат составил ему партию в винт. Когда он ушел в приготовленную ему комнату, он только что взялся вынимать фальшивые зубы, как в дверь слегка постучались двумя ударами.

– Кто там?

– C'est moi, Michel.

[1]

Князь Михаил Иванович узнал голос невестки, поморщился, вставил назад зубы и проговорил про себя «чего ей нужно» и громко:

– Entrez.

[2]

Невестка была тихое, кроткое существо, безропотно покорявшаяся мужу, но чудачка, как ее называли (некоторые считали ее даже дурочкой), хотя и хорошенькая, всегда растрепанная, неряшливо, небрежно одетая, всегда рассеянная и с самыми странными, неподходящими к предводительше, не аристократическими мыслями, которые она вдруг выражала к удивлению всех, и знакомых и мужа.

– Vous pouvez me renvoyer, mais je ne m'en irai pas, je vous le dis d'avance,

[3] – начала она свою речь с свойственной ей нелогичностью.

– Dieu preserve,

[4] – отвечал деверь, с своей обычной, несколько преувеличенной учтивостью подвигая ей кресло. – Ça ne vous dérange pas? [5] – сказал он, вынимая папиросу.

– Вот что, Мишель, я не буду говорить ничего неприятного, я только хотела сказать об Лизаньке.

Михаил Иванович вздохнул, очевидно от боли, но тотчас же справился и, улыбаясь усталой улыбкой, сказал.

– Разговор с тобой может быть для меня об одном предмете, именно о том, о котором ты хочешь говорить, – сказал он, не глядя на нее и, очевидно, избегая даже названия предмета разговора.

Но толстенькая, кругленькая, миловидная невестка не смутилась и, тем же добрым умоляющим взглядом своих голубых глаз продолжая смотреть на Михаила Ивановича, сказала, так же и еще более, чем он, тяжело вздыхая:

– Мишель, mon bon ami,

[6] пожалейте ее. – Она, как всегда, говоря с деверем, сбивалась на «вы». – Ведь она человек.

– Я никогда не сомневался в этом, – с неприятной улыбкой отвечал Михаил Иванович.

– Она дочь.

– Была. Да. Но, милая Алин, к чему эти разговоры?

– Мишель, милый, повидайте ее. Я хотела сказать вам только то, что тот, кто виноват во всем...

Князь Михаил Иванович вспыхнул, лицо его стало страшно.

– Ради Бога, не будем говорить. Довольно я перестрадал. Теперь ничего нет для меня, кроме желания поставить ее в такое положение, чтобы она никому не была в тягость, чтобы ей не нужно было входить ни в какие сношения со мной, чтобы она могла жить своей отдельной жизнью и мы с семьей своей жизнью, не зная ее. Я не могу иначе.

– Мишель, всё «я». Ведь она тоже «я».

– Это несомненно, но, милая Алин, пожалуйста, оставим это. Мне слишком тяжело.

Александра Дмитриевна помолчала, покачала головой.

– И Маша (жена Михаила Ивановича) так же смотрит?

– Совершенно так же.

Александра Дмитриевна пощелкала языком.

– *Brisons la-dessus. Et bonne nuit,*

[7] – сказал он.

Но Александра Дмитриевна не уходила. Она помолчала.

– Петя мне говорил, что вы хотите оставить деньги той женщине, у которой она живет. Вы знаете адрес?

– Знаю.

– Так не делайте это через нас, а съездите сами. Вы только посмотрите, как она живет. Если вы не захотите видеть ее, то наверное не увидите. Его там нет, никого нет.

Михаил Иванович вздрогнул всем телом.

– Ах, за что, за что вы меня мучаете? Это негостеприимно.

Александра Дмитриевна встала и с слезами в голосе, умиляясь сама над собой, проговорила:

– Она такая жалкая и такая хорошая.

Он встал и стоял, дожидаясь, пока она кончит. Она протянула ему руку.

– Мишель, это нехорошо, – сказала она и вышла.

Долго после нее ходил Михаил Иванович по ковру комнаты, превращенной для него в спальню, и морщился, и вздрагивал, и вскрикивал: «Ох, ох!» и, услышав себя, пугался и замолкал.

Мучала его оскорбленная гордость. Его дочь, его, выросшего в доме своей матери, знаменитой Авдотьи Борисовны, принимавшей посещения императриц, его, знакомство с которым считалось за великую честь, его, прошедшего свою жизнь рыцарем без страха и упрека... То, что у него был побочный сын от француженки, которого он устроил за границей, не уменьшало в нем его высокого мнения о себе. И вот, его дочь, для которой он не только сделал всё, что может и должен сделать отец: дал прекрасное воспитание, дал ей возможность выбирать себе партию в высшем и лучшем русском обществе, но не только та дочь, которой он дал всё то, чего только может желать девушка, но которую он прямо любил, которой любовался, гордился, эта дочь опозорила его, сделала с ним то, что он не может смотреть в глаза людям, что ему стыдно всех.

И он вспоминал те времена, когда он не только относился к ней как к своей дочери, к члену его семьи, но когда он нежно любил ее, радовался на нее, гордился ею. Он вспоминал ее какую она была, когда ей было 8, 9 лет: умненькая, всё понимающая, живая, быстрая, грациозная девочка, с черными, блестящими глазами и распущенными русыми волосами на костлявой своей спинке. Вспоминал он, как она вскакивала к нему на колени и обнимала за шею и щекотала его, заливаясь хохотом, и, несмотря на его крик, не переставала и потом целовала в рот, в глаза, в щеки. Он был враг всякой экспансивности, но эта экспансивность умиляла его, и он иногда отдавался ей и вспоминал теперь, как было приятно ласкать ее.

И это–то когда–то милое существо могло сделаться тем, что оно стало теперь, – существом, про которое он не мог думать без отвращения.

Он вспоминал теперь тоже то время, когда она становилась женщиной, и то особенное чувство страха и оскорбления, которое он испытывал к ней, когда замечал, что мужчины смотрят на нее как на женщину. Он вспоминал об этом своем ревнивом отношении к дочери, когда она с кокетливым чувством, зная, что она хороша, приходила к нему в бальном платье и когда он видал ее на балах. Он боялся нечистых взглядов на нее, а она не только не понимала этого, но радовалась этому. «Да, – думал он, – какое суеверие чистота женщин. Напротив, они не знают стыда, у них нет стыда».

Он вспомнил, как она, непонятно для него почему, отказала двум очень

хорошим женихам и как, продолжая ездить в свет, всё больше и больше увлекалась не кем-нибудь, но увлекалась своим успехом. Но успех этот не мог продолжаться долго. Прошли год, два, три. Все пригляделись к ней. Она была красива, но уже не первой молодости, стала как бы обычным аксессуаром балов. Михаил Иванович вспоминал, как он видел, что она засидится, и желал для нее одного – выдать поскорее замуж, хоть не так хорошо, как можно было прежде, но хоть как-нибудь прилично. Но она как-то особенно вызывающе-гордо держала себя, ему казалось, и, вспоминая это, еще более злое чувство поднялось в нем против нее. Отказала стольким порядочным людям, чтобы потом этот ужас! – О, ох! – опять застонал он и, остановившись, закурил папиросу и хотел думать о другом, как он перешлет ей деньги, не допустив ее до себя, но опять встало воспоминание о том, как она уже недавно – ей было уже больше двадцати лет – затеяла какой-то роман с четырнадцатилетним мальчиком, пажем, гостившим у них в деревне, как она довела мальчика до сумасшествия, как он разливался-плакал, и как она серьезно, холодно и даже грубо отвечала отцу, когда он, чтобы прекратить этот глупый роман, велел мальчику уехать; и как с тех пор у него и прежде довольно холодные отношения к дочери стали совсем холодными и с ее стороны. Она как будто считала себя чем-то оскорбленной.

«А как я был прав, – думал он теперь. – Это бесстыдная и недобрая натура».

И вот опять последнее ужасное воспоминание письма из Москвы, в котором она писала, что она не может вернуться домой, что она несчастная, погибшая женщина, просит простить и забыть ее, и ужасные воспоминания о разговорах с женой и догадках, цинических догадках, перешедших наконец в достоверность, что несчастье случилось в Финляндии, куда ее отпустили гостить к тетке и что виновник его ничтожный студент-швед, пустой, дрянной человек и женатый.

Всё это он вспоминал теперь и ходил, ходил взад и вперед по ковру комнаты, вспоминая и прежнюю свою любовь к ней, гордость за нее и ужасаясь на это непонятное для него падение и ненавидя ее за ту боль, которую она ему сделала. Он вспоминал то, что говорила ему невестка, и старался представить себе, как бы он мог простить ее, но стоило ему только вспомнить «его», и ужас, отвращение, оскорбленная гордость наполняли его сердце. И он вскрикивал: – Ох, ох, – и старался думать о другом.

«Нет, это невозможно. Отдам Пете деньги, чтобы он давал ей ежемесячно. А у меня нет, нет дочери...»

И он попал опять на прежнюю колею того странного, смешанного чувства, которое не переставая мучало его: чувства умиления перед воспоминанием о его любви к ней и чувства мучительной злобы за то, что она могла сделать ему так больно.

II.

Лиза в этот один последний год пережила без всякого сравнения больше, чем она пережила во все прежние 25 лет. В этот год ей вдруг открылась вся пустота ее прежней жизни: ясна стала вся низменность, вся гадость той жизни, которую она вела в своем богатом петербургском обществе и доме, где она вместе со всеми играла животной жизнью, касаясь только верхов ее, пользуясь всеми прелестями ее, но не спускаясь до глубины ее. Хорошо было год, два, три, но когда это: вечера, балы, концерты, ужины, бальные платья, прически, выставляющие красоту тела, молодые и немолодые ухаживатели, все одинакие, все что-то как будто знающие, имеющие как будто право всем пользоваться и надо всем смеяться, когда летние месяцы на дачах с такой же природой, тоже только дающей верхи приятности жизни, когда и музыка и чтение, тоже такие же – только задирающие вопросы жизни, но не разрешающие их, – когда всё это продолжалось 7, 8 лет, не только не обещая никакой перемены, но, напротив, всё больше и больше теряя прелести, она пришла в отчаяние, и на нее стало находить состояние отчаяния, желания смерти. Подруги направили ее на деятельность благотворительности. Она увидела, с одной стороны, нищету, настоящую, отталкивающую, и притворную, еще более жалкую и отталкивающую, и увидела страшную холодность дам патронесс, приезжающих на своих тысячных экипажах и в тысячных нарядах, и ей становилось всё тяжелее и тяжелее. Хотелось чего-нибудь настоящего, хотелось жизни, а не игры с ней, не снимания пенек. И не было никакой. Лучшее из ее воспоминаний была любовь к кадету Коко, как его звали. То было хорошее, честное, прямое, но ничего подобного теперь не было и не могло быть. – Она всё больше и больше тосковала и в этом тоскливом положении поехала к тетке в Финляндию. Новая обстановка, новая природа, новые люди, какие-то особенные, показались ей особенно привлекательны.

Как и когда это началось, она не могла дать себе отчета. У тетки гостил швед. Он говорил о своих работах, о своем народе, о новом шведском романе, и она сама не знает, как и когда началось это страшное заражение взглядами и улыбками, смысл которых нельзя было выразить словами, но которые имели значение, как ей казалось, превосходящее всякие слова. Эти взгляды и улыбки открывали друг другу их души, не только их души, но какие-то общие всему человечеству, великие и самые важные тайны. Всякое сказанное ими слово получало от этих улыбок величайшее и блаженнейшее значение. Такое же значение получала музыка, когда они слушали ее вместе или пели дуэты. Такое же значение получали слова читаемых вслух книг. Иногда они спорили, каждый отстаивал свое мнение, но стоило им встретиться глазами и блеснуть улыбке, и спор оставался где-то внизу, а они поднимались над ним в какой-то возвышенной, доступной только им области.

Как это сделалось, как, когда из-за этих взглядов и улыбок выступил дьявол, в одно и то же время схвативший их, она не могла бы сказать, но когда она почувствовала страх перед дьяволом, невидимые нити, связывающие их, были уж так переплетены, что она чувствовала свое бессилие вырваться из них и всю надежду возлагала уже на него, на

его благородство. Она надеялась, что он не воспользуется своей силой, но и смутно не желала этого.

Бессилие ее в борьбе усиливалось еще тем, что ей не за что было держаться. Жизнь ее светская, с своей поверхностностью и фальшью, опротивела ей. Мать свою она не любила, отец, как ей казалось, оттолкнул ее от себя, и ей страстно хотелось не игры с жизнью, а самой жизни, и в любви, в совершенной женской любви к мужчине, она предчувствовала эту жизнь. И страстная, здоровая натура влекла ее туда же. И эта жизнь представлялась ей в нем, в его высокой, сильной фигуре, в его белокурой голове и белых поднятых усах, из-под которых [сияла] притягивающая, всемогущая улыбка. [В этом] она видела обещание чего-то самого лучшего, что есть на свете. И вот улыбки и взгляды, надежды и обещания чего-то невозможно прекрасного привели к тому, к чему они должны были привести, но чего она боялась и чего смутно, бессознательно ожидала. И вдруг всё прекрасное, духовное, радостное, полное надежд на будущее, вдруг всё стало отвратительным, животным и не только печальным, но отчаянным.

Она смотрела в глаза ему, старалась улыбаться, старалась притвориться, что она не боится ничего, что это так и должно быть, но она в глубине души знала, что теперь всё пропало, что в нем нет того, чего она искала, что было в ней, что было в Коко. Она сказала ему, что он должен написать теперь ее отцу, прося ее руки. Он сказал, что сделает это. Потом, при втором свидании, сказал, что не может сделать этого сейчас. В глазах его было что-то робкое, неясное, и она еще больше усумнилась в нем. На другой день он прислал ей письмо, в котором объявил, что он женат, что жена давно оставила его, что он погиб теперь в ее глазах, что он виноват, умоляет ее о прощении.

Она позвала его и на словах сказала ему, что она любит его и, всё равно, женат он был или нет, чувствует себя навеки связанной с ним и не оставит его.

В следующее свидание он сказал, что у него ничего нет, что родители его бедные и что он может предложить ей только самую бедную жизнь. Она сказала, что ей ничего не нужно и что она сейчас же готова ехать с ним, куда он хочет.

Он отговаривал ее, советовал подождать. Она согласилась. Но жизнь с скрыванием от домашних, с случайными свиданиями и тайной перепиской была ей мучительна, и она настаивала на отъезде и бегстве.

Когда она переехала в Петербург, он писал ей, обещая приехать, потом перестал писать и исчез. Она попыталась жить попрежнему, но не могла. Она стала болеть. Ее лечили, но положение ее становилось хуже и хуже. Когда же она убедилась, что ей нельзя будет скрыть то, что она хотела скрыть, она решила убить себя. Но как сделать это так, чтобы смерть казалась естественной? Она хотела убить себя, ей казалось, что она окончательно решила это, и достала яду, всыпала его в рюмку и готова была выпить. Она и выпила бы его, если бы в это время не вбежал к ней пятилетний племянник, сын сестры, показывая ей подаренную бабушкой игрушку. Она остановилась, приласкала мальчика и

вдруг расплакалась. Ей пришла мысль, что она могла бы быть матерью, если бы он не был женат, и мысль о материнстве в первый раз заставила ее вернуться в себя, думать не о том, что подумают и скажут о ней другие, а о своей, настоящей своей жизни. Убить себя ради мнения других людей казалось легко, но убить себя для себя было невозможно. Она вылила яд и перестала думать о самоубийстве, а стала жить сама в себе, и жизнь эта была мучительна, но была жизнь, она не хотела и не могла расстаться с нею. Она стала молиться, чего она давно уже не делала, но это не облегчало: она страдала не за себя, а за страдания отца, которые она понимала, и жалела его, но знала, что страдания эти будут, и она виной их. Несколько месяцев так шла ее жизнь, и вдруг с ней случилось событие никому незаметное, даже ей почти незаметное, но такое, которое уже совсем перевернуло ее жизнь. Она вдруг, сидя за работой, – она вязала одеяло, – почувствовала странное ощущение движения... в себе.

– Да нет, не может быть. – Она замерла с крючком и одеялом в руках. И вдруг опять то же удивительное колебание. Неужели это он или она? И она, забыв про всё, про его гадость и ложь, про раздражительность матери, про горе отца, просияла улыбкой, но не той гнусной улыбкой, которой она отвечала на такие же улыбки его, а светлой, чистой, радостной улыбкой.

Она ужасалась теперь мысли, что она могла думать убить его вместе с собой, и теперь все свои мысли направила на то, как уйти из дома, куда, и где сделаться матерью, несчастной, жалкой матерью, но всё-таки матерью. И она всё это придумала и устроила, и ушла и поселилась в далеком губернском городе, где никто бы не мог найти ее, и где она думала быть вдали от своих, и где, на ее беду, был назначен губернатором брат ее отца, чего она никак не ожидала.

Она жила у акушерки Марьи Ивановны уже 4-й месяц и, узнав о том, что дядя в том же городе, собиралась уехать куда-нибудь дальше.

III.

Михаил Иванович проснулся рано и в это же утро, войдя в кабинет брата, отдал ему приготовленный чек на деньги, которые он оставлял брату, прося его ежемесячно выдавать их дочери, и спросил, когда отходит в Петербург курьерский. Поезд отходил в 7 часов вечера, так что Михаил Иванович мог успеть пообедать ранним обедом до отъезда. Напившись кофе с невесткой, которая ничего не говорила больше о том, что так было тяжело ему, а только робко взглядывала на него, он, по своей обыкновенной гигиенической привычке, пошел сделать обычную прогулку.

Александра Дмитриевна проводила его до передней.

– Вы пройдите, Мишель, в городской сад, там прекрасно ходить и от

всего близко, – сказала она, жалостно глядя ему в сердитое лицо.

Михаил Иванович послушался ее совета и пошел в городской сад, откуда было всё близко, и с досадой думал о глупости, упорстве и бессердечности женщин. «Ей не жалко меня, – думал он о невестке. – Она и понять не может моих страданий. А она? – он подумал о дочери. – Она знает, что это для меня, какая это мука. Какой ужасный удар, в конце жизни, которую укоротит наверное она же. Ну, да и лучше конец, чем эти мучения. И всё это pour les beaux yeux d'un cheparran».

[8] – 0–0–0, – громко простонал он, и такое чувство ненависти и злобы поднялось в нем при мысли о всем том, что теперь будут говорить в городе, когда все узнают (наверно все уже знают), такое чувство злобы поднялось в нем против нее, что захотелось всё сказать ей, дать ей понять всё значение того, что она сделала. «Они не понимают».

«Оттуда всё близко», подумал он и, достав записную книжку, прочел ее адрес: Кухонная улица, дом Абрамова, Вера Ивановна Селиверстова. Она жила под этим именем. Он подошел к выходу и кликнул извозчика.

– Вам кого, господин? – спросила его Марья Ивановна, акушерка, когда он вошел на узкую площадку крутой, вонючей лестницы.

– Госпожа Селиверстова здесь?

– Вера Ивановна? Здесь, пожалуйста. Она вышедши, в лавочку пошла, должно, сейчас придет.

Михаил Иванович вошел за толстой Марьей Ивановной в маленькую гостиную, и его, как ножом, резнул, как ему показалось, отвратительный, злой крик ребенка из соседней комнатки.

Марья Ивановна извинилась, ушла в комнатку, и слышно было, как успокаивала ребенка. Ребенок затих, и она вышла.

– Это ее ребеночек. Она сейчас придет. Вы кто ж будете?

– Я знакомый, да я лучше после приду, – сказал Михаил Иванович, готовясь уйти. Так мучительно ему было готовиться к встрече с ней и так невозможно казалось какое бы то ни было объяснение.

Он только повернулся и хотел уйти, как по лестнице послышались легкие, быстрые шаги, и он узнал голос Лизы.

– Марья Ивановна! что, не кричал без меня... А я...

И она вдруг увидела отца. Кулек, который она держала в руке, выпал у нее из рук.

– Папа?! – вскрикнула она и, вся бледная и трясущаяся всем телом, остановилась в дверях.

Он смотрел на нее и не двигался с места. Она похудела, глаза стали больше, нос заострился, руки тонкие, костлявые. И не знал, что сказать и что сделать. Он забыл теперь всё то, что думал о своем сраме, и ему только жалко, жалко было ее, жалко и за ее худобу, и за ее плохую, простую одежду, и, главное, за жалкое лицо ее с умоляющими о чем-то, устремленными на него глазами.

– Папа, прости, – сказала она, подвигаясь к нему.

– Меня, – проговорил он, – меня прости, – и он захлюпал, как ребенок, целуя ее лицо, руки и обливая их слезами.

Жалость к ней открыла ему самого себя. И увидав себя, какой он был действительно, он понял, как он виноват перед ней, виноват за свою гордость, холодность, даже злобу к ней. И он рад был тому, что виноват, что ему нечего прощать, а самому нужно прощение.

Она повела его в свою комнату, рассказала ему, как она живет, но не показывала ему ребенка и ничего не говорила о прошедшем, зная, что это было бы мучительно для него. Он сказал ей, что ей надо устроиться иначе.

– Да, если бы в деревне, – сказала она.

– Мы всё обдумаем это, – сказал он.

Вдруг за дверью сначала запищал, а потом закричал ребенок. Она открыла широко глаза и, не спуская их с отца, замерла в нерешительности.

– Что ж, тебе кормить надо, – сказал Михаил Иванович, шевеля бровями от явного внутреннего усилия.

Она поднялась, и ей вдруг пришла безумная мысль показать тому, кого она так давно любила, того, кого она теперь любила больше всего на свете. Но, прежде чем сказать то, что хотела, она взглянула в лицо отца. Рассердится он или нет?

Лицо отца выражало не сердитость, но одно страдание.

– Да иди, иди, – сказал он. – Слава Богу. Да, я завтра приду опять, и мы решим. Прощай, голубушка. Да, прощай. – И опять ему трудно было удержать поднявшийся комок в горле.

—

Когда Михаил Иванович вернулся к брату, Александра Дмитриевна тотчас же спросила его:

– Ну что?

– Да ничего.

– Видели? – спросила она, по лицу его догадываясь, что что-то случилось.

– Да, – скороговоркой проговорил он и вдруг заплакал. – Да, и глуп и стар стал, – сказал он, успокоившись.

– Нет, умен, очень умен.

—

Михаил Иванович простил дочь, совсем простил, и ради прощенья победил в себе весь страх перед славой людской. Он устроил дочь у сестры Александры Дмитриевны, жившей в деревне, и видался с дочерью и любил ее не только попржнему, но еще больше, чем прежде, и часто приезжал к ней и гостил у нее. Но ребенка он избегал видеть и не мог победить в себе чувства отвращения, омерзения к нему. И это было источником страданий дочери.

13 Ноября 1906.

—

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

** [ВАРИАНТ К РАССКАЗУ «ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...»]

<Чѣмъ больше она росла, тѣмъ больше онъ любовался ей: любовался ея граціей, ея ловкостью, ея милымъ, небольшимъ, вѣрнымъ голоскомъ, [9] когда она пѣла, и радовался на ея любовь къ себѣ и еще больше на то чувство нѣжности, которое онъ испытывалъ къ ней, такое, какое не испытывалъ ни къ одному изъ дѣтей.

Онъ старался не выказывать этого чувства, но по своей натурѣ, боящейся всякой сантиментальности, и еще потому, что видѣлъ какъ жена, странно сказать, ревновала его къ дочери и чѣмъ больше онъ любилъ, тѣмъ больше нападала на нее, онъ невольно скрывалъ свое чувство къ ней подъ ласково-шуточнымъ отношеніемъ, но она понимала и радовалась и гордилась этимъ.

Гимназія – она хорошо училась и была любима товарками. Были двѣ

дѣвочки, съ которыми она особенно сдружилась. Гимназія

[10] отдалила его отъ нея, но по мѣрѣ того, какъ она подрастала, къ прежнему чувству прибавилось особенное чувство осторожной нѣжности и страха, который онъ испытывалъ за нечистые на нее взгляды мужчинъ какъ на женщину. Онъ зналъ, что былъ пристрастенъ къ ней, но не могъ не видѣть, что она нравилась не ему одному, но что она привлекала къ себѣ уже мужчинъ. А хотя онъ самъ вель довольно чистую жизнь до женитьбы, онъ зналъ развратные взгляды мужчинъ, и мысль томъ, что грязные люди могутъ смотрѣть на его милую Лизу какъ на женщину, унижительно раздражала его.

Главное, что дорого было ему въ ней, это то ея смѣлое, любовное, ласкающее отношеніе къ нему, которое онъ насмѣшкой отталкивалъ отъ всѣхъ другихъ и принималъ только отъ нея.

Она побѣдила его холодность и страхъ передъ фальшью сантименталь[ности], и онъ былъ благодаренъ ей за это.

Въ первое время ея юности онъ спрашивалъ ее обо всемъ, и она безъ колебанія все, какъ умѣла сказать, рассказывала ему. Но съ годами, въ 17, 18, 19 лѣтъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она стала выѣзжать, связь эта все слабѣла. Она ѣздила на вечера, балы. Онъ любовался ею, когда она приходила къ нему проститься передъ отъѣздомъ на балъ въ туалетъ, который хотѣла показать и ему, и съ грустью видѣлъ, какъ она все больше и больше отдалялась отъ него, какъ она все больше и больше увлекалась не кѣмъ-нибудь (онъ зналъ, что изъ всѣхъ ухаживающихъ за ней молодыхъ людей никто не нравился ей особенно), но увлекалась тѣмъ, что она нравилась.

Она все больше и больше жила жизнью не въ себѣ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она производила на людей. И понемногу сдѣлалось то, что какъ только не было никого, кто бы восхищался ею, ей было скучно. Но стоило только почувствовать, что ею любуются, и жизнь пробуждалась и била ключемъ.

Онъ замѣчалъ это, но думалъ, что это пройдетъ и даже радовался тому, что не выбираетъ никого изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ она встрѣчала и которые ѣздили въ домъ.

Онъ приглядывался къ женихамъ, и ни одинъ не удовлетворялъ его. Онъ по своему грустному опыту зналъ развратность молодыхъ людей, и его оскорбляла мысль о возможности ей, такой чистой, прекрасной, стать женой одного изъ нихъ, и часто, когда онъ замѣчалъ, что какой-нибудь молодой человекъ нравился ей, онъ насмѣшкой старался расхолодить ее. Но съ годами она все меньше и меньше стала рассказывать ему все. Онъ видѣлъ, что у нея свой особенный міръ, и уже не старался вступать въ

него,

[11] но не переставая слѣдилъ за ней.

Ей было уже лѣтъ 20, когда они жили на берегу моря и къ нимъ пріѣхалъ гостить 14-лѣтній кадетъ пажескаго корпуса, племянникъ жены Михаила Ивановича; кадетъ былъ милый, живой, восторженный мальчикъ, и Михаилъ Ивановичъ видѣлъ, какъ онъ отчаянно, робко, страстно влюбился въ Лизу. Онъ прожилъ у нихъ все лѣто. Отношенія Лизы съ этимъ милымъ, чистымъ мальчикомъ не пугали Михаила Ивановича. Онъ даже любовался этой любовью. Ему нравилось то, что Коко – кадетъ – оцѣнилъ, какъ должно оцѣнилъ Лизу, и ему нравилось отношеніе Лизы къ мальчику: она цѣнила его преданность и была польщена этой любовью, но смотрѣла на нее какъ на шутку. Но это была не шутка. Такъ подумалъ и Михаилъ Ивановичъ. Онъ вспоминалъ теперь, какъ въ день отъѣзда Коко, котораго онъ [1 неразобр.], увидалъ заплаканное лицо мальчика и серьезное, умиленное лицо Лизы. Какъ это было чисто! Какъ прекрасно! А теперь! Эта любовь оставила важный слѣдъ въ душѣ Лизы. Она на Коко (такъ его звали) поняла, какая можетъ быть любовь мужчины – чистая, самоотверженная и поэтическая, и потомъ искала, требовала такой любви и, разумѣется, не нашла ея. Потомъ была эта глупая свѣтская жизнь. И какъ-то почему-то она никого не полюбила. Двумъ она отказала и продолжала жить, какъ прежде жила, радуясь на свои успѣхи. Но года шли, всѣ привыкли къ ней, и она нравилась все меньше и меньше. И стала нѣсколько разъ она прикидывать мыслью холостыхъ людей, особенно изъ тѣхъ, которымъ она знала, что нравилась, могла ли бы она полюбить ихъ. И видѣла, что нѣтъ, что никто изъ нихъ не можетъ по любить ее, какъ Коко, и она ожидала такого же Коко, но взрослого, который бы могъ быть ея мужемъ; но такого не было. Она все меньше и меньше находила удовольствія въ свѣтѣ и часто съ грустью смотрѣла на себя въ зеркало, любуясь собой, своей никому ненужной красотой. И она все больше и больше начинала скучать. Отецъ видѣлъ это, и ему жалко было ее, но онъ ничѣмъ не могъ помочь ей. Отношенія ихъ становились все холоднѣе и холоднѣе. Не только не было прежняго сближенія, но въ послѣднее время, когда ей было ужъ 25 лѣтъ и она стала увлекаться благотворительностью, къ которой онъ всегда относился насмѣшливо, между ними установилась даже больше чѣмъ холодность. Ему казалось, что она не любитъ его, и ему обидно было за то, что она такъ отвѣчала на его прежнюю любовь, и онъ допустилъ [?] враждебность къ ней. И вдругъ случилось то, чего онъ никогда не могъ вообразить себѣ. Она пропала изъ дому, потомъ написала, что у нея ребенокъ. Она не можетъ сказать, кто его отецъ, просить никого не винить и забыть ее.

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...»

Сюжет рассказа «Что я видел во сне...», видимо, в основе своей связан с событием, имевшим место в семье старшего брата Льва Николаевича – Сергея Николаевича Толстого. В письмах Льва Николаевича 1901–1902 гг. к нему и его дочери, судьба которой во многом была сходна с судьбой героини рассказа – княгини Лизы Ш., а также в письмах Сергея Николаевича к Льву Николаевичу мы находим отражение сложной сердечной истории, пережитой и отцом и дочерью очень остро и болезненно (См. 70-й том настоящего издания). Нигде, в частности в Дневнике, Толстой не упоминает о сне, сходном по содержанию с сюжетом рассказа. Возможно, что такое заглавие было дано рассказу о том, чтобы устранить у читателя всякое предположение о том, что рассказанный случай имел место в действительности.

Время написания рассказа определяется датой 13 ноября 1906 г., собственноручно поставленной Толстым в автографе. 17 ноября того же года он записал в Дневник: «Написал «Что видел во сне» (порядочно)».

Обдумывая рассказ, Толстой заносил в записную книжку отдельные образы, ситуации, выражения, к нему относящиеся. Так, в записной книжке 1906 г. читаем следующие записи, относящиеся к «Что я видел во сне...»: «Вы посмотрите хоть, как она живет». «И попал опять на старую колею ненависти». «Что, не кричал?» «Папа!!..» «Прости». – «Меня, и расхлупался». «Ну, что?» – «Ничего». – «Видели?» – «Да, и опять заревел». «Да, стар и глуп стал». – «Нет, умный, умный». Затем идет ряд других, к рассказу не относящихся записей. После них возобновляются записи, опять относящиеся к «Что я видел во сне...». «Успех – потом всё меньше и меньше – скучно». «Прикидывала, за кого вытти. Все плохи! Ненужны никому прекрасные плечи». «Мать ревновала к отцу. Отъ этого не высказывала [?]» «Нужно кормить, хотела

показать, поняла. Он ушел. Взглянула в его лицо: не сердитое, но страдальческое. Он очень правдивый и чуткий. Он сам не был развратным, у него был сын незаконный».

Мы располагаем всего лишь одной рукописью – автографом, относящейся к «Что я видел во сне...» и хранящейся в рукописном отделении ИРЛИ (шифр 22. 5.20). Рукопись, написанная большей частью на листах и полудиетах бумаги обыкновенного почтового формата, занимает 48 страниц, из которых одна чистая, л заключена в обложку, на которой рукой М. Л.

Толстой написано «Что я видел во сне. Первый черновик. 13 ноябрь 1906 год». В рукописи довольно много поправок и зачеркнутых мест.

После слов «губернскому предводителю в центральном губернском городе», стр. 75, строки 11–12, зачеркнуто:

горячо любившему и преклонявшемуся передъ своимъ старшимъ братомъ.

После слов «поселилась с ребенком в этом самом городе», стр. 75, строки 15–16, зачеркнуто:

Петръ Ивановичъ черезъ жену узналъ объ этомъ и сообщилъ брату, и вотъ братъ прїѣхалъ къ брату, чтобы такъ или иначе рѣшить дѣло съ дочерью.

После слов «поселилась с ребенком», стр. 75, строка 16, вначале было написано:

въ уѣздномъ городѣ той губерніи, гдѣ предводителемъ былъ Петръ Ивановичъ,

[12]

После слов «Семья его состояла из», стр. 75, строка 19, сначала была написано:

покорной, трепещущей передъ мужемъ жены.

Затем эти свойства усвоены были невестке Михаила Ивановича. После слов «и только теперь нашлась с ребенком», стр. 75, строка 25 вначале было написано:

въ захолустномъ уѣздномъ городѣ, жившая съ ребенкомъ неизвѣстно на какія средства.

После слов «Князь Петр Иванович», стр. 75, строка 27, зачеркнуто:

зналъ, какой это былъ жестокой ударъ для брата, и жестоко страдалъ

за него. Онъ

После слов «он, как всегда, был ядовито и остроумно насмешлив, стр. 75, строка 34 – стр. 76, строка 1, зачеркнуто:

Даже учитель революционеръ, сидѣвшій на концѣ стола, не могъ не смѣяться на тѣ бойкія насмѣшки надъ самимъ собою и тѣми идеями, которыя онъ превозносилъ. Такъ мѣтки и забавны были его злыя шутки и такъ хорошо сказаны.

После слов «Вечером брат составил ему партию в винт», стр. 76, строка 5, зачеркнуто:

Онъ, какъ всегда, игралъ серьезно и тонко и учтиво дѣлалъ упреки своимъ партнерамъ, а на другое утро онъ уѣхалъ. Надо было проѣхать 2 часа по желѣзной дорогѣ до того уѣзднаго городка, куда онъ направлялся <и еще отъ станціи 30 верстъ на ящикѣ>.

О томъ, чтобы простить дочь, признать ее съ ребенкомъ,

После слов «Он был враг всякой экспансивности, но эта экспансивность умиляла его», стр. 78, строки 15–16, зачеркнут большой вариант, который печатаем отдельно (стр. 423–425).

После слов «у них нет стыда», стр. 78, строка 30, зачеркнуто

И еще болѣе злое чувство поднялось въ его душѣ.

Впервые рассказ напечатан в первом томе посмертных художественных произведений Толстого под редакцией В. Г. Черткова (Москва 1911). В этом издании, точно так же как и в издании «Свободного слова», вышедшем за границей, воспроизводится (в заграничном менее точно, чем в русском) текст автографа, за исключением первого абзаца, который в автографе читается так:

– Она, какъ дочь, не существуетъ для меня, но не могу же я оставить ее на шеѣ чужих людей. Устрою такъ, чтобы она могла жить какъ она хочетъ, но знать, признавъ ее, я не могу. Этотъ позоръ... Никогда въ голову не могло придти. *C'est une chose qui me passe, qui me passe complètement,*

[13]

Очевидно, автограф был переписан, и в копии Толстым были сделаны исправления лишь в первом абзаце рассказа, все же остальное автором не было просмотрено и исправлено, и рассказ в целом остался

стилистически, по крайней мере, не отделанным. Вероятно, под руками у редакции была эта копия с исправленным первым абзацем, но затем она затерялась. Косвенное указание на то, что, помимо автографа, была еще копия его с поправками рукой Толстого, – в надписи на обложке, в которую заключен автограф: «Что я видел во сне, первый черновик».

В московское и заграничное издания текста рассказа введены конъектуры – в московское две, в заграничное одна. В московском издании редактор усмотрел противоречие между тем, что в автографе во втором абзаце первой главы место службы князя Петра Ивановича приурочивается к центральному губернскому городу, а в предпоследнем абзаце второй главы об этом городе, в котором поселилась Лиза, говорится сперва как о «дальнем», потом как о «далеком». Поэтому редактор в первом случае слово «центральном» заменяет словом «дальнем». Но конъектура здесь вряд ли нужна: губернский город, хотя бы и центральный, мог быть легко назван дальним или далеким по отношению к Петербургу, где первоначально жила Лиза о отцом, так как понятия дальности и близости – «относительные».

Вторая конъектура московского издания вызвана тем, что в автографе в том же втором абзаце сказано, что князь Петр Иванович был губернским предводителем в центральном губернском городе, а в предпоследнем абзаце второй главы сказано, что Лиза приехала в тот далекий губернский город, куда Петр Иванович был назначен губернатором. Поэтому редактор во втором случае исправляет слою «губернатором» на «предводителем» и слово «назначен» на «выбран»; последняя замена, очевидно, сделана потому, что предводители не назначались, а выбирались.

В заграничном издании редактор в этом случае поступил наоборот, заменив во втором абзаце первой главы слова «губернскому предводителю» словом «губернатору» и, кроме того, заменив почему-то последующие слова «в центральном губернском городе» словами «в центральной губернии». Это колебание, обнаружившееся у одного и того же редактора двух изданий – московского и заграничного – между «губернатором» и «предводителем» нагляднее всего показывает, что устранение противоречия путем логического согласования двух несогласованных частей текста здесь не может иметь места: мы, в конце концов, не знаем, какую должность окончательно усвоил бы Толстой князю Петру Ивановичу; губернатора или губернского предводителя дворянства.

В пятнадцатом томе «Полного собрания художественных произведений», Госуд. изд., 1930, текст «Что я видел во сне...» заново сверен с автографом, причем первый абзац первой главы напечатан в комбинированной редакции: взят текст посмертного печатного издания, но к нему после слов «но знать» введено из автографа слово «признав». В результате получилась искусственная редакция абзаца. Конъектуры, принятые в московском посмертном издании, приняты и в этом издании.

В виду того что издание посмертных художественных произведений Толстого, особенно вышедшее в России, сделано в общем тщательно, как

в этом убеждает сверка с рукописями, и потому различие в чтении абзаца рассказа в автографе и печатном тексте трудно объяснить случайностью или произволом редактора, мы печатаем первый абзац рассказа по тексту посмертных произведений в издании А. Л. Толстой, весь же остальной текст – по единственно сохранившейся рукописи-автографу. Конъектур в текст не вводим.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Автотипия с начала автографа «Что я видел во сне» – между 74 и 75 стр. стр.

Примечания

1

[– Это я, Мишель.]

2

[– Войдите.]

3

[– Вы можете меня прогнать, но я не уйду, говорю это вам наперед.]

4

[– Боже сохрани,]

5

[– Вас это не беспокоит?]

6

[друг мой,]

7

[– Оставим это. Покойной ночи,]

8

[ради прекрасных глаз негодяя.]

9

Зачеркнуто: Видѣль, какъ она формировалась въ женщину и, самъ того не замѣчая, все больше и больше отдавался своей любви къ ней, такъ что эта любовь составляла одну изъ главныхъ радостей его жизни.

10

Зач.: ослабила это чувство къ отцу, но онъ не переставалъ любоваться ею, слѣдить за нею. Когда ей минуло 15 лѣтъ, и она стала женщиной, <у него явилось къ ней> его чувство къ ней оставалось то же. Къ нему прибавилось только

11

Зачеркнуто: Онъ ждалъ со страхомъ, ждалъ, кого она выберетъ. Но она никого не выбирала. Одинъ разъ увлеклась женатымъ человѣкомъ, который тоже увлекся ею, но это продолжалось недолго, потомъ отказала тремъ хорошимъ женихамъ и начала скучать. Отецъ видѣль это и страдалъ за нее и, хотя не было прежнего сближенія, все такъ же любилъ ее и гордился ею. И вдругъ свалилась ему на голову та ужасная глыба и раздавила его.

12

Таким образом, сужу по этим зачеркнутым словам и по некоторым другим (см. ниже), Лиза по первоначальному замыслу поселилась не в губернском, а в уездном, городе, где и должна была произойти ее встреча с отцом.

13

[Это совершенно выбивает меня из колеи.]